

КЪ ИСТОРИИ ПОВОЛЖСКАГО РАСКОЛА.

Пришибенскіе иконоборцы *).

1892—1896.

Несмотря на обширность Астраханской губернии, обнимавшей собою въ былое время нынѣшнія губерніи Астраханскую, Саратовскую, Ставропольскую, части Самарской и Симбирской и область Терскую и соприкасающуюся съ внутренними болѣе зараженными духомъ раскола губерніями Воронежской и Рязанской и Областью Войска Донского,—рѣзкое старообрядчество стало укрѣпляться въ ней сравнительно недавно. Судя по переписи 1744 года, только нѣсколько семей старовѣровъ проживало въ Саратовѣ, да на сѣверномъ Кавказѣ, среди тамошнихъ казаковъ Гребенского войска, сохранился почти тотъ же укладъ быта и обычаевъ и тотъ же строй вѣроисповѣдныхъ воззрѣній, какіе позаимствовали казаки въ древней Руси, при первомъ оставленіи ими своего домашняго крова. Сѣмена раздора въ города Низоваго Поволжья заносились болѣею частью изъ губерній Московской, Рязанской и Симбирской прибывшими на новыя мѣста поселенцами, да изъ сосѣдней области Уральскихъ казаковъ, издавна исповѣдывавшихъ старую вѣру. Но сильнѣе стала укрѣпляться тамъ расколь послѣ основанія знаменитыхъ Иргизскихъ скитовъ. Однако это старообрядчество, такъ называемая поповщина, далеко все-таки была не враждебно настроено противъ существующаго гражданскаго порядка и вѣроисповѣднаго строя простолюдиновъ. Ненависть къ православію и Русской народности болѣе проявили переселенные въ концѣ XVIII столѣтія императрицей Екатериной II Нѣмцы-колонисты, явившіеся въ Новоузенскихъ и Саратовскихъ степяхъ съ своими Менонитскими и Мормонскими воззрѣніями. Немного позднѣе стали проникать сюда и съ Кавказа вѣрованія, противныя исконному Русскому духу.

Секта мистическаго характера впервые появилась въ Астраханской губерніи въ 1822 году; она носила громкое названіе „*иконаборческой*“, хотя послѣдователи ея мало имѣли общаго съ той ересью, которая возникла при Византійскомъ императорѣ Львѣ Исаврининѣ въ 726 г. и продолжала существованіе до временъ Константина Копронима (780 г.).

*) По бумагамъ Астраханскаго губернскаго архива.

Открылась секта эта сначала въ с. Пришибѣ, куда занесъ ее крестьянинъ Михайла Суриковъ изъ села Прасковіи Кавказской губерніи, гдѣ онъ съ своимъ братомъ Романомъ около года работалъ въ Георгіевской крѣпости *).

Какъ Михайла, такъ и прочіе его родичи не принадлежали къ кореннымъ обитателямъ Пришиба. Переселились они туда только въ 1805 году изъ одноворческаго села Козловки, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губерніи. Семья ихъ была довольно многочисленная и состояла изъ 60 лѣтняго старика отца, Дементія Ѳедорова и сыновей: Михайлы съ женой Марьей Титовой, Романа и его жены Варвары Ларионовой, Кирика, женатаго на Татьянѣ Ивановой, Никиты съ Еленой Ѳедоровой и, наконецъ, младшаго Ѳедора. Спустя лѣтъ десять послѣ переселенія, Михайла отправился въ Георгіевскъ, гдѣ нѣкоторое время находился въ обществѣ сектантовъ „Моисеева закона“, а потомъ, „по наученію Субботниковъ“, и самъ вскорѣ пережѣнилъ вѣру отцовъ своихъ. Возвратившись въ Пришибѣ, „сначала потаенно принялъ Молоканскую секту“, уговаривалъ и родныхъ послѣдовать его примѣру. „Напрасно, говорилъ онъ имъ, вы поклоняетесь иконамъ: ни въ пророческихъ и апостольскихъ посланіяхъ, ни въ Евангеліи, ни въ одной даже книгѣ я не нашелъ указаній, чтобы дѣлать имъ поклоненія“.

На его преступныя рѣчи прежде всѣхъ сдались Романъ и старикъ Дементій. Слѣдомъ за ними перекинулись въ секту „духовныхъ христіанъ“ и остальные члены семьи. Съ 1817 г. Михайла Суриковъ уже „явно“ обнаруживаетъ свое исповѣданіе и открыто начинаетъ проповѣдывать его своимъ сельчанамъ. Успѣху его проповѣди много способствовало то обстоятельство, что въ село Пришибѣ долгое время не было назначено приходскаго священника. Какъ разъ къ тому же, около этого же времени, старикъ Дементій былъ избранъ сельскимъ старостой.

Вдвоемъ, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, они сильнѣе дѣйствовали на малопросвѣщенныхъ сельчанъ, распространяя ересь гдѣ лаской и обѣщаніями, а иной разъ употребляя противъ неподатливыхъ силу и власть. Какъ будто проповѣдывали они новое ученіе, совершенно несхожее съ ученіемъ Субботниковъ или Жидовствующихъ.

Пришибенскіе „иконоборцы“ „взирали“ на Единаго начальника вѣры и совершителя Иисуса, вѣрили, что Богъ пребываетъ въ трехъ лицахъ, принимая „свидѣтельство ко спасенію душъ по двумъ завѣтамъ“. Они почитали пророковъ, апостоловъ и Іоанна-Крестителя; другихъ же угодниковъ хотя „не хулили“, но и не оказывали имъ поклоненія, такъ какъ о томъ не было указаній „ни въ одномъ пророчествѣ“. „Священника и архіерея имѣемъ мы одного, говорили сектанты, иже сидитъ одесную Бога“. Видимаго воднаго крещенія ученія ихъ не признавало. По вѣрованію Суриковыхъ, послѣднее состояло „въ покаяніи и оставленіи грѣховъ“, какъ глаголалъ ученикамъ Христосъ: „Идите, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“, и

*) Дѣло Астрах. губ. архива за 1822 г., вязка 403, № 14.

какъ говорилъ Иоаннъ-Креститель: „*Азъ крещая водою въ покаяніе, той вы крестить Духомъ святымъ и огнемъ*“.

Таинство покаянія въ точномъ смыслѣ не признавали Пришибинскіе иконоборцы или, скорѣе, не понимали, какъ и таинство причащенія. Покаяніе т. е. раскаяніе въ грѣхахъ, они называли „исповѣданіемъ“, по свидѣтельству апостола Павла, говорившаго: „*Исповѣдайте другъ другу согрѣшенія и молитесь другъ за друга, яко да исцѣлитесь*“, добавляя къ этому еще слова Спасителя: „*Аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу и той—отпущеніе грѣховъ*“.

Подъ именемъ „причащенія“, Пришибинцы разумѣли „Слово Божіе“, такъ поясняя его: Христось говорилъ своимъ ученикамъ: „*Ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*“. Въ другомъ же мѣстѣ Св. Евангелистъ Иоаннъ говоритъ: „*Слово плоть бысть и вселися въ ны*“. Наконецъ, апостоль Павелъ называетъ „*причастниковъ, бывшихъ Духа Святаго и доброа вкусившихъ Божія маюла*“. Исходя изъ этихъ изрѣченій, сектанты поучали, что всякій вкушившій (познавшій) „Слова Божія“, вкусилъ такимъ образомъ и плоть Христову, а слѣдовательно содѣлался и причастникомъ жизни вѣчной.

Поэтому они не считали необходимымъ имѣть видимую церковь (т. е. храмъ Божій) съ ея іерархіею для совершенія таинствъ и богослуженія. По слову Спасителя, иконоборцы признавали церковью собраніе зѣрущихъ. Какъ заповѣдалъ апостоль Павелъ, „аще снитется церковь вся вкупѣ“, такъ и мы, говорили они, собираемся на молитву вмѣстѣ, мужья и жены, памятуя слова св. Павла апостола: „*Всякою молитвою и моленіемъ молящійся на всякое время Духомъ на семъ утверждается*“.

Пользуясь властью старосты, Дементій Суриковъ переманилъ въ секту сельскаго писаря Николая Степанова. Нѣсколько времени спустя, къ концу 1821 года, къ нимъ присоединился переселенецъ Егоръ Лепихинъ, „вовлеченный въ секту еще въ г. Усмани Тамбовской губерніи“, а за нимъ однодворецъ Сергѣй Бабининъ. Всѣ старанія приходскаго священника о. Герасима Семіонова къ обращенію заблудшихъ на путь истины не имѣли желаемаго успѣха, не смотря на его кроткія и любвеобильныя увѣщеванія. Напротивъ, сектанты съ озлобленіемъ и силою вступали въ споръ съ батюшкою, публично понося православную церковь, таинства ея и св. иконы.—Какое тамъ у васъ тѣло Христово,—выкрикивали ихъ вожаки,—просто даете темнымъ мужикамъ бѣлый хлѣбъ, а вмѣсто крови—вино.

Особенно нагло и дерзко поступалъ неграмотный Дементій Суриковъ. Входя въ дома православныхъ сельчанъ, онъ плевалъ на иконы.—Что за чучелы у васъ поставлены? Снимите ихъ, ибо онѣ вредятъ вашему спасенію!..

Его примѣру слѣдовали и сыновья его Михайла и Никита.

— Однажды по веснѣ, рассказываютъ однодворцы Луневъ и Востриковъ, мы строили Никитѣ избу. Глядимъ, а между неприличнымъ мѣстомъ и клѣткою валяется икона неизвѣстнаго намъ изображенія. Мы подняли и поставили ее на плетень, но къ вечеру пришелъ Михайла. Увидя икону, онъ взялъ ее и началъ тесать топоромъ. Икона не подавалась, такъ какъ была писана на

холстѣ. Тогда Михайла пуще съ поруганіемъ сталъ смѣяться надъ ней.—Вотъ вы, дураки,—обратился онъ къ плотникамъ,—поклоняетесь дереву и холсту. А може холстъ-то этотъ былъ у бабѣ на подолѣ?

Изъ своихъ иконъ Михайла дѣлалъ къ ведрамъ днища. Сергѣй Бабининъ устраивалъ дѣтямъ игрушки. У послѣдняго образа валялись на подлавкѣ.—Гдѣ онъ тутъ спрятались,—говорилъ онъ при сельчанахъ.—Мнѣ надо сдѣлать ребятишкамъ коляску, а онъ (иконны) для того очень способны.

Когда въ Юнѣ 1822 г. въ с. Пришибѣ пріѣхалъ дворянскій засѣдатель Енотаевского земскаго суда Шустовъ, командированный губернскимъ начальствомъ для разслѣдованія иконоборческой секты, и зашелъ съ волостнымъ старшиной въ домъ Бабанина, иконъ въ избѣ не оказалось. Засѣдатель нашелъ одну изъ нихъ воткнутой въ плетень у сѣней. На спросъ Шустова: „какой онъ вѣры?“ Сергѣй отвѣчалъ дерзко:—„По вашему молоканинъ, а по нашему духовный христіанинъ“, при чемъ назвалъ себя „апостоломъ“.

Шустовъ распорядился заковать его въ кандалы и отправилъ въ земскій судъ, но черезъ нѣсколько времени его оттуда кто-то выпустилъ.

Послѣ этого Пришибинскіе вожаки еще злѣе стали сѣять сѣмена раздора, съ каждымъ днемъ больше умножая число своихъ послѣдователей. Суриковы, Степановъ и Бабининъ открыто устраивали въ своихъ домахъ сборища для слушанія читаемыхъ ими книгъ, куда заманивали и православныхъ. Секта перешла въ сосѣднія селенія Никольское, Селитряное и Сасыкольское. Въ послѣднемъ главари ея были: Терентій Бѣлозеровъ, два брата Колонинныхъ и жена Ивана Колонина Татьяна. Лжеученіе ихъ состояло въ томъ, это „они, въ видѣ начальниковъ секты, разъясняли на собраніяхъ Свящ. Писаніе, а при совершеніи браковъ читали евангеліе и апостолъ“. Къ концу 1822 г. число иконоборцевъ съ 118 достигло 255. Расколъ сталъ проникать и въ другія крестьянскія поселенія и даже въ казачьи станицы Астраханскаго войска. По вѣдомости, составленной въ 1824 году тамошнимъ губернскимъ правленіемъ, сектанты различныхъ направленій гнѣздились въ 18 селеніяхъ Астраханскаго, Енотаевского и Черноярскаго уѣздовъ*), тогда какъ лѣтъ 80 назадъ тамъ не было слышно ни о какихъ неправославныхъ вѣроученіяхъ.

Въ Сентябрѣ 1822 г. преосвященный Авраамій, епископъ Астраханскій и Кавказскій, просилъ губернатора Попова оказать возможное содѣйствіе къ вразумленію заблудшихъ. Послѣдній поручилъ земскому суду произвести разслѣдованіе о вредныхъ дѣйствіяхъ иконоборцевъ. На этотъ разъ (24 Октября) вмѣстѣ съ засѣдателемъ Шустовымъ прибылъ въ Пришибѣ и уѣздный стряпчій Поповъ; а слѣдомъ за ними пріѣхалъ туда командированный отъ губернскаго

*) Вотъ эти селенія: *Астрах.* уѣзда: Иванчугъ (поморцы), Уваринское (безпоповцы), Чогонь, Ново-Александровское, Новонавловка (во всѣхъ поповщина и поморы), Федоровское и станица Лебяжинская (названіе секты неизвѣстно); *Енотаевскаго*: станицы Замбянь (пошов. и поморы), Косикинская (помор.) и Грачевская (незв.) сел. Селитряное (попов. помор. и молокане) и Сасыкольское (молок.); *Черноярскомъ*: Цацынскаго (помор.), Красный Яръ, Солодники и Никольское (помор. и молок.) и Свѣтлоярское (молок.).

правления для наблюденія за производствомъ слѣдствія Черноярскій земскій исправникъ Бухвостовъ.

Сектанскіе вожаки, повидимому, струхнули. Не имѣя чѣмъ оправдать свои преступныя дѣянія, они свалили всю вину на только что не задолго передъ тѣмъ назначеннаго въ с. Пришибъ священника Петрова, показывая на допросахъ, что о. Макарій „не употреблялъ ожидаемыхъ по сану его наставлений и вразумленій заблуждающимся, подавая соблазнительные примѣры неприличнымъ своимъ поведеніемъ: вмѣсто увѣщаній, угрожалъ имъ вѣскими словами, приходилъ въ домъ Никиты Сурикова въ пьяномъ видѣ и ругался непотребно, сыпалъ на иконоборцевъ табакомъ и подносилъ оный къ носу каждого“.

По его наущенію, 43 чел. Пришибинскихъ жителей 29 Октября составили приговоръ о распространеніи Суриковыми иконоборческой секты и о ихъ зазорныхъ дѣйствіяхъ. Какъ доносилъ (24 Іюня 1823 г.) губернаторъ Поповъ преосвященному Аврааму и начальнику Кавказскаго края генералу Ермолову, 33 замѣшанныхъ въ дѣлѣ иконоборца были одобрены сельчанами на повальномъ обыскѣ, что „хозяйство ведутъ порядочно, отъ исправленія повинностей не уклоняются, праздными не бываютъ и начальству повинуются“.

По этимъ причинамъ, „слѣдуя челолюбивому Его Императорскаго Величества милосердію и кротости, основанному на вниманіи ко впадшимъ по единому заблужденію въ преступленіе“, Астраханское губернское правленіе рѣшило испытать ихъ прежде, не могутъ ли они, познавъ истину Христовой вѣры и раскаявшись въ своихъ заблужденіяхъ, обратиться по прежнему къ православной церкви, или же напротивъ удостовѣриться въ степени закоренѣлости ихъ къ иконоборческой ереси и тогда уже предать обсужденію для опредѣленія наказанія по мѣрѣ оныхъ судебному мѣсту“.

Какъ владыка, такъ и генералъ Ермоловъ ничего не имѣли противъ такой благожелательной мѣры. Въ Сентябрѣ вожаки Пришибенскихъ сектантовъ были вызваны въ Астрахань. Убѣждать ихъ пришлось довольно долго. Наконецъ, 28 Ноября, Дементій и Михайла Суриковы, Сергѣй Бабининъ и Николай Степановъ, казалось, признали свои заблужденія и въ поданной преосвященному просьбѣ ходатайствовали о присоединеніи ихъ съ семействами къ церкви. Долѣ другихъ колебался Романъ, но и онъ въ концѣ концовъ изъявилъ желаніе быть православнымъ. Вслѣдствіе этого, было предписано приходскому священнику приготовить ихъ къ присоединенію.

О такомъ радостномъ событіи губернаторъ сообщилъ генералу Ермолову и управляющему Министерствомъ Внутр. Дѣлъ. Однако д. т. с. Ланской усумнился въ столь скоромъ окончаніи дѣла и искренности сектанскаго раскаянія. 22 Декабря онъ просилъ т. с. Попова удостовѣриться ближе, „дѣйствительно ли иконоборцы обратились паки въ нѣдра православной церкви“. Разслѣдованіе дало печальные результаты. „Съ настоящимъ раскаяніемъ обратились въ пра-

вославіе только Бабининъ и Николай Степановъ, но жена послѣдняго еще колебалась въ своемъ рѣшеніи. Дементій же Суриковъ хотя приобщался въ Филиповъ постъ св. таинъ, но съ того времени въ церковь больше не ходилъ. А его сыновья Михайла, Никита, Романъ со дня прибытія изъ Астрахани остаются въ прежнемъ своемъ заблужденіи, подъ разными предлогами скрываются отъ присоединенія къ церкви“.

По этому поводу д. т. с. Ланской входилъ съ запиской въ комитетъ министровъ. На основаніи высочайше утвержденнаго 11 Декабря 1823 г. положенія, было постановлено: „Всѣхъ уличенныхъ въ распространеніи ереси, съ оказаніемъ соблазна и ругательства св. иконъ предать уголовному суду, какъ нарушителей благоустройства общественнаго. Прочихъ послѣдователей, буде не почувствуютъ раскаянія и останутся непреклонными въ заблужденіяхъ своихъ, удалить въ Таврическую губернію на поселеніе къ ихъ единомышленникамъ“.

Пока ходила объ этомъ переписка, перекинулись въ секту и Бабининъ съ Николаемъ Степановымъ. Послѣдній даже сталъ устраивать у себя въ квартирѣ частые „соборы“, „донольствуясь отъ нихъ всѣми выгодами“. Поэтому уѣздный судъ нашель необходимымъ заключить и его подъ стражу до разбирательства дѣла. Въ другихъ селеніяхъ Енотаевского уѣзда открылось еще 180 послѣдователей иконоборчества. И хотя командированные, по распоряженію архіепископа Меѳодія, священники Маркъ Студицкій и Іоаннъ Ремезовъ увѣщевали ихъ, но не достигли цѣли.

Виновные были преданы уѣздному суду. 28 Мая 1825 г. сей послѣдній рѣшилъ ихъ дѣло, представивъ его на ревизію Астраханскую Палату уголовного суда. Всѣхъ сектантовъ оказалось въ с. Пришибѣ 24 семьи—съ 57 чел. муж. п. и 69—ж. п.; сел. Сасыкольскомъ 19 семействъ 73 м. и 70 ж. п. и Селитрянномъ 3 семьи съ 15 муж. и 13 женщинами, всего 297 человекъ (въ томъ числѣ и дѣти).

Когда приговоръ Палаты поступилъ на заключеніе главнаго начальника края, генераль Ермоловъ предписалъ Астраханскому губернатору отправить ихъ всѣхъ въ Таврическую губернію, нарядивъ для конвоированія 25 Астраханскихъ казаковъ.

Въ Январѣ 1826 г. выѣхали иконоборцы, подъ присмотромъ дворянскаго засѣдателя Эмецъ, и 2 Марта достигли мѣста назначенной имъ ссылки. Ихъ поселили на ранѣ отведенныхъ земляхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ.

П. Юдинъ.

